

[Открыть письмо в браузере](#)

Ядерный Контроль

номер 7 (535) | 2021

В этом номере

- **ОТ РЕДАКТОРА**
- **СЮЖЕТ.** Китайский фактор в американской ядерной политике
- **ИНТЕРВЬЮ.** Михаил Ульянов, Ханна Нотте - о ЗСОМУ на Ближнем Востоке; Густаво Злаувинен - о перспективах Обзорной конференции ДНЯО, Дмитрий Стефанович - о вызовах, стоящих перед РКРТ; Виктор Есин - об испытаниях орбитальной МБР в Китае, Джон Карлсон - о рисках AUKUS для нераспространения
- **АНАЛИТИКА.** СВПД, французский мирный атом, Первый комитет ГА ООН
- **РАЗБОР.** Стокгольмская инициатива по ядерному разоружению
- **РЕЦЕНЗИЯ.** ДЗЯО глазами одного из его архитекторов
- **НОВОСТИ ПИР-ЦЕНТРА**
- **О ЖУРНАЛЕ**

От редактора

К содержанию

Осень – не время для хандры. Осенью разгорается очередной виток борьбы за мир и разоружение. Первый комитет ГА ООН, очередной раунд российско-американских консультаций по стратегической стабильности, пленарное заседание РКРТ.

Но самое главное, как водится, впереди – на конец ноября намечены очередной раунд переговоров по восстановлению СВПД, вторая сессия конференции по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Венчает же череду «разоруженческо-нераспространенческих» мероприятий Обзорная конференция ДНЯО, которая пройдет в январе следующего года.

Обзорная конференция – система уравнений с большим количеством неизвестных – и неясно, решается ли эта система в принципе. Ближневосточная её часть, о которую споткнулась конференция 2015 г., по-прежнему далека от решения. Вопрос лишь в том, удастся ли благодаря запущенному под эгидой ООН переговорного процесса по ЗСОМУ хотя бы частично вынести ближневосточные сюжеты за скобки.

Обросла дополнительными параметрами и разоруженческая часть уравнения. По сравнению с 2015 г. решение выглядит всё сложнее: даёт о себе знать развал по вине США архитектуры контроля над вооружениями, который лишь отчасти удалось приостановить продлением ДСНВ на максимально возможные пять лет. Всё это на фоне беспрецедентной консолидации антиядерного движения. В роли булыжника – оружия антиядерного пролетариата – выступает Договор о запрещении ядерного оружия. Для ядерных же государств в этих условиях главный вопрос в том, можно ли достичь успеха без реального разоружения.

Вопрос более высокого порядка – а нужно ли в принципе искать решение этой системе со многими неизвестными? В конце концов, ДНЯО – не ДСНВ, действует бессрочно – и очередной заключительный документ ничего не изменит.

Но обсуждения в рамках обзорного процесса – это возможность создать необходимый политический климат для решения насущных проблем международной безопасности. Требования разоружения «здесь и сейчас»

и конкретные военно-технические шаги отдельных государств спровоцированы одним и тем же – стремительной деградацией обстановки в сфере международной безопасности. И уклонение от обсуждения, каким бы неприятным оно ни было, сделает лишь хуже.

Этот номер *Ядерного Контроля* – особенный. Он выходит в День Носорога – так в ПИР-Центре мы называем день рождения нашего журнала: именно в этот день в 1994 году в свет вышел первый его номер *Ядерного Контроля*. В честь этого сегодня мы **опубликовали** специальный номер проекта "Без галстука" с ветераном *Ядерного Контроля*, человеком, стоявшего у истоков данного издания, Людмилой Николаевной Баландиной. Также мы **подготовили** познавательные материалы по истории нашего журнала, его эволюции, достижениям и т.д. Несмотря на все изменения, все эти годы одно остаётся неизменным. Мы стремимся снабжать наших читателей самой важной информацией из мира нераспространения.

В честь юбилея в этом номере значительно больше материалов "разговорного жанра". Сегодня мы публикуем сразу несколько эксклюзивных интервью и комментариев дипломатов и экспертов по самым острым сюжетам из мира нераспространения: от предстоящей Обзорной конференции ДНЯО до AUKUS, ЗСОМУ на Ближнем Востоке и китайского ракетно-ядерного арсенала.

*Сергей Семенов,
редактор электронного журнала «Ядерный Контроль»*

Больше эксклюзивных материалов "Ядерного контроля" Вы можете найти в нашем **телеграм-канале**

Сюжет

К содержанию

Китайский фактор в ядерной политике США

В начале ноября Министерство обороны США опубликовало ежегодный доклад «Положение дел в области безопасности и военной политики КНР», где отмечается рост военно-политического потенциала НОАК по ряду направлений. Как считают американские военные, перед НОАК поставлена задача увеличения возможности проецирования китайской военной мощи за пределами национальных границ и близлежащих территорий «для защиты растущих интересов КНР за рубежом и продвижения ее внешнеполитических целей». В числе новелл доклада - значительный пересмотр оценок по перспективам развития китайского ракетно-ядерного потенциала, подтверждение экспертных выкладок относительно трёх новых позиционных районов ШПУ МБР.

Очевидно, что доклад призван подкрепить курс на конфронтацию с КНР фактическими материалами. Параллельно с этим, как представляется, делаются "пробросы" на предмет возможности усиления позиций союзников США "неконвенциональными способами".

Так, по заявлениям Байдена, Соединенные Штаты намерены противодействовать Пекину с опорой на союзников в Азии и за ее пределами. На этом фоне США начинают более гибко относиться к своей прежней линии в сфере нераспространения - примером тому AUKUS. Кроме того, Соединенные Штаты сняли оставшиеся ограничения с южнокорейской ракетной программы (так называемые *Missile Guidelines*), в результате чего в начале октября РК произвела успешный запуск серии баллистических и крылатых ракет с тяжелыми боеголовками и дальностью полета свыше 1000 км, став первой неядерной державой, запустившей БРПЛ. Эксперты полагают, что «контролируемое

распространение» (англ. *conditional proliferation*) в сфере ядерных и ракетных технологий – в совокупности с повышенной «гибкостью» потенциала сдерживания на морском театре военных действий – сможет укрепить американские позиции с точки зрения так называемой кризисной стабильности, уравнив потенциал сдерживания США и его союзников в регионе.

С другой стороны, речь идет и о потенциале Соединенных Штатов за пределами региона. Практическое осуществление стратегического сдерживания должно учитывать долгосрочный план по модернизации ракетно-ядерного потенциала НОАК «для расширения возможностей стратегического сдерживания», принятый к реализации ракетными войсками стратегического назначения КНР в прошлом году. В частности, существенным фактором является наращивание производства МБР с РГЧ ИН, строительство новых шахт для твердотопливных МБР, БРСД D-26 двойного назначения, размещаемые на ПГРК, а также разработка систем гиперзвуковых вооружений, таких как гиперзвуковой планирующий блок DF-17.

Для сравнения, в аналогичном вышеупомянутому докладе Пентагона за 2020 год отмечается, что ключевыми с точки зрения интересов США системами вооружений КНР являются баллистические и крылатые ракеты наземного базирования (последних, как пишут авторы доклада, нет на вооружении у самих США), которые дополняют системы высокоточных вооружений морского и воздушного базирования, а также вышеупомянутые D-26. Таким образом, по американским оценкам китайская военная мощь существенно возросла, что требует от Вашингтона пропорционального ответа. По мнению американских законодателей, таким ответом являются американские МБР наземного базирования: в конце октября этого года обе палаты Конгресса поддержали запрос администрации Байдена на финансирования новых МБР (англ. *Ground Based Strategic Deterrent*), которые должны заменить стоящие на вооружении с 1970 г. МБР шахтного базирования Минитмен-3.

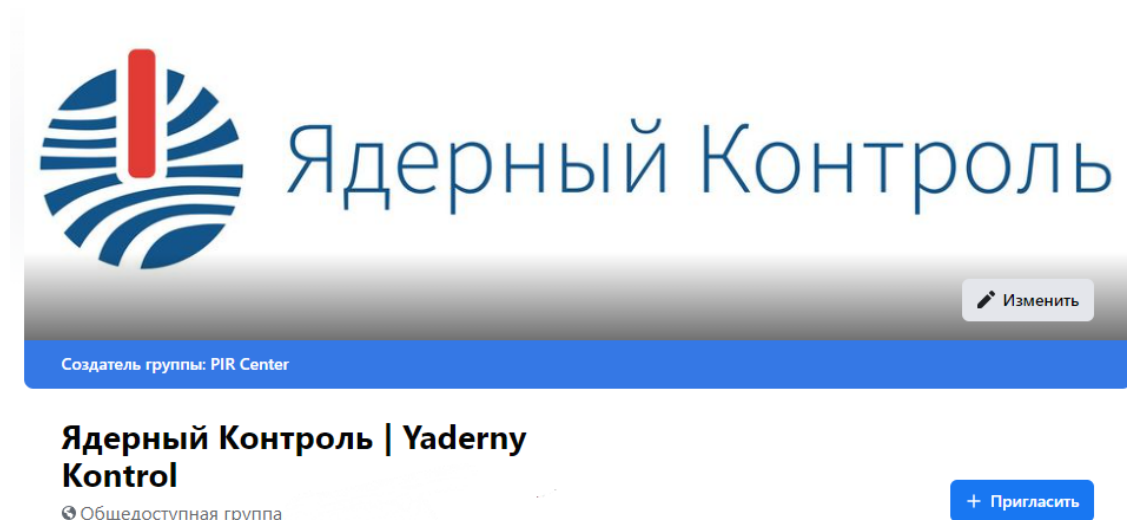
Сегодня отдельные программы по разработке гиперзвукового оружия имеются у СВ, ВМС и ВВС США. Сдерживающим фактором здесь является то, что американское гиперзвуковое оружие не оснащается – по крайней мере, на сегодняшний день – ядерными боеголовками. В результате гиперзвуковое оружие США, вероятно, потребует большей точности и более сложной технической разработки, нежели российские и китайские образцы. В этой связи немаловажное значение для приоритетов американских военно-технических разработок стало предположительное (но отрицаемое в Пекине) тестирование Китаем системы частично-

орбитального бомбометания (англ. *Fractional Orbital Bombardment System, FOBS*) летом 2021 года. По оценкам экспертов, стратегическое значение появления на вооружении Китая системы такого рода как минимум неоднозначно. Так, МБР с траекторией вокруг Южного полюса, а также гиперзвуковые планирующие блоки большой дальности могут преодолевать американские ПРО, имея при этом большую точность и возможность нести большую полезную нагрузку. Это может иметь негативные последствия для американской политики в сфере контроля над вооружениями и разоружения.

В связи с этим особого внимания заслуживают сообщения о том, что по итогам виртуального американо-китайского саммита 15 ноября с.г. будет объявлено о создании отдельной рабочей группы по ядерным вопросам. Как представляется, Пекин мог бы быть заинтересован в «сверке часов» относительно декларируемой политики использования ядерного оружия.

Подводя итог, можно выделить несколько «компонентов» китайского фактора ядерной политики США. Во-первых, это необходимость адаптации доктринальных положений ввиду превращения КНР в «крупную державу» с глобальными амбициями. Во-вторых, это модернизация ядерного арсенала, сдвиг в сторону «контролируемого распространения» и эволюция союзнических отношений. Наконец, важное значение имеет общественный «запрос» на налаживание американо-китайского диалога о мерах транспарентности и – в перспективе – контроля над вооружениями.

806 человек следят за Ядерным Контролем в Facebook

Комментарий

К содержанию

Вторая сессия конференции по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке

Эксклюзив

*Постоянный представитель
Российской Федерации при
международных организациях в
Вене **Михаил Ульянов***

Михаил Иванович, оставляет ли, на Ваш взгляд, решение США какие-либо шансы на достижение консенсуса по Ближнему Востоку на предстоящей Обзорной конференции ДНЯО?

Думаю, что никаких шансов нет. Напомню, что в 2015 г. на предыдущей ОК США сломали консенсус по Итоговому документу именно из-за его ближневосточного раздела (он воспроизводил наши текстуальные предложения).

*Старший научный сотрудник
Венского центра по разоружению
и нераспространению
Ханна Нотте*

С Вашей точки зрения, каковы основные цели второй сессии Конференции по ЗСОМУ на Ближнем Востоке?

Основная цель созыва второй сессии Конференции по созданию зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке, состоит в том, чтобы сохранить динамику так называемого “ноябрьского процесса” под эгидой Генеральной Ассамблеи ООН, т. е. созвать

конференцию в соответствии с мандатом и договоренностью. Другая цель состоит в том, чтобы провести конструктивный обмен на конференции и в идеале обсудить те тематические вопросы, которые в конечном итоге и должны будут решаться в ходе переговоров о ЗСОМУ. Другими словами, конференция будет стремиться перейти от общих прений к тематическим, в частности, опираясь на два неофициальных семинара по урокам, извлеченным из других ЗСЯО, которые были созданы UNIDIR по просьбе первой конференции, состоявшейся в ноябре 2019 года.

По каким критериям вы будете оценивать “успех” и “неудачу” второй сессии Конференции по ЗСОМУ на Ближнем Востоке?

Безусловно, для реального успеха потребовалось бы, чтобы все без исключения страны региона присутствовали на конференции, в идеале совместно с пятью постоянными членами Совета Безопасности ООН, включая США. Поскольку в настоящее время это нереалистично, конференцию все равно следует считать успешной, если участвующим сторонам удастся всеобъемлющим образом охватить наиболее важные тематические вопросы и представления об угрозах, которые требуют решения для проведения переговоров по договору и обеспечения жизнеспособности будущей ЗСОМУ. В ходе тематических прений должны быть определены основные вопросы, связанные с зоной, которые следует дополнительно обсудить на будущих конференциях. Выработка правил процедуры конференции, по которым сторонам не удалось прийти к согласию в ходе первой сессии в ноябре 2019 года, также явно будет означать успех. И наоборот, конференцию следует считать провальной, если дебаты так и останутся на уровне зачитывания национальных заявлений и, что еще хуже, взаимных обвинений, без рассмотрения основных тематических вопросов и представлений об угрозах, а также способов их решения. Хотя я сказала выше, что соглашение о правилах процедуры было бы желательным результатом, я лично не стала бы считать конференцию провальной в отсутствие такого соглашения; правила процедуры менее важны, чем качество тематических прений.

Как результаты Конференции будут коррелировать с предстоящей Обзорной конференцией ДНЯО?

Если ноябрьская конференция увенчается успехом, я бы ожидала, что на Обзорной Конференции ДНЯО в январе будет «меньше накала» вокруг проблемы ЗСОМУ. В частности, Египет, скорее всего, увидит меньшую необходимость в том, чтобы сделать зону преобладающей темой в дебатах ОК, если сочтёт, что ноябрьская конференция привела к значительному прогрессу по основным вопросам. Тем не менее, Египет, скорее всего, по-

прежнему будет настаивать на упоминании вопроса о ЗСОМУ в Заключительном документе

И наоборот, если ноябрьская конференция окажется ниже ожиданий, можно было бы ожидать, что Египет займет твердую позицию в отношении того, что должно быть включено в Заключительный документ ОК в части создания ЗСОМУ на Ближнем Востоке..

Стоит ли ждать перемен в позиции Израиля и США?

Соединенные Штаты уже подтвердили свое неучастие, как и Израиль. Позиции двух стран по ноябрьскому процессу, изложенные в многочисленных заявлениях как до, так и после первой конференции в ноябре 2019 года, остаются неизменными, несмотря на произошедшие с тех пор изменения в правительствах обеих странах. По моей оценке, нет никаких оснований ожидать, что эти принципиальные позиции изменятся в ближайшее время.

Как Вы считаете, можно ли ожидать от Израиля при правительстве Беннета большей гибкости в обсуждении вопросов региональной безопасности?

В настоящее время между Израилем и рядом государств Персидского залива ведется неофициальный диалог о мерах региональной безопасности, основанный на соглашениях Авраама, которые были заключены при администрации Трампа. Этот диалог затрагивает, среди прочего, вопросы сотрудничества в области противоракетной обороны и космоса. Тем не менее, помимо такого диалога, направленного на укрепление различных аспектов региональной безопасности на двусторонней или многосторонней основе с отдельными государствами, когда речь заходит о *всеобъемлющем* диалоге по архитектуре региональной безопасности — не говоря уже о создании ЗСОМУ — позиция правительства Израиля исторически последовательна и остается неизменной. Согласно этой позиции, формат такого диалога, включая его круг ведения, мандат, правила процедуры и повестку дня, должен быть согласован при непосредственном участии Израиля. На этом фронте я не ожидаю, что позиция Израиля при правительстве Беннета изменится. Что касается позиции Израиля в решении других проблем региональной безопасности, включая израильско-палестинский конфликт, то пока еще слишком рано говорить о том, как будет формироваться политика.

Какую роль в обеспечении безопасности на Ближнем Востоке сыграли т.н. Соглашения Авраама, заключённые при администрации Трампа?

Как отмечалось выше, Соглашения Авраама являются позитивным событием, которое стимулировало неофициальный диалог между Израилем и рядом государств Персидского залива по вопросам региональной безопасности. Это результат готовности региональных государств взять на себя большую ответственность за свою собственную безопасность и стабильность в регионе по мере того, как США переключают внимание на Индо-Тихоокеанский регион. Еще одним позитивным событием в этом отношении являются продолжающиеся переговоры между Ираном и Саудовской Аравией. Тем не менее, все эти подвижки находятся в зачаточном состоянии, поэтому нужно посмотреть, как они будут развиваться дальше. И я должна также сказать, что, в конце концов, региональная безопасность, скорее всего, будет достигнута всеобъемлющим и устойчивым образом только с иранцами, а не *против* них, поэтому Соглашения Авраама могут лишь подтолкнуть позитивную динамику в регионе, но не являются окончательным решением.

Главное в ДНЯО - баланс

Эксклюзив

Густаво Злаувинен,
*председатель X Обзорной
конференции ДНЯО*

Вопросы разоружения, вероятно, будут одним из главных камней преткновения на конференции. Среди неядерных государств растёт чувство разочарования в связи с отсутствием или низкими темпами выполнения обязательств по ядерному разоружению со стороны ядерной пятерки.

Я считаю, что в преддверии Конференции «ядерная пятерка» должна представить конкретные идеи о том, как достичь ядерного разоружения. Я знаю, что это не легко, я не наивен, это чрезвычайно сложный процесс со

множеством оговорок. Но подавляющему большинству государств-участников нужно, чтобы «пятёрка» подтвердила свою приверженность безъядерному миру.

[Читать полный текст интервью на сайте ПИР-Центра](#)

Перспективы развития РКРТ

Эксклюзив

*Дмитрий Стефанович,
научный сотрудник Центра
международной безопасности
ИМЭМО РАН*

Как Вы оцениваете нынешнее состояние РКРТ? С какими вызовами режим сталкивается на настоящем этапе?

Режим работает, развивается и в целом соответствует своей главной задаче по ограничению распространения средств доставки оружия массового уничтожения. Хотя есть, конечно, и исключения – та же Северная Корея, на которую он не оказывает никакого влияния. Опять же, это классическая ситуация, когда лучшее – враг хорошего: можно легко представить себе ситуацию, в которой таких «условных КНДР» было бы значительно больше. Кроме того, РКРТ является замечательной площадкой для технических консультаций, для технического диалога экспертов в области ракетных технологий. Причем одной из немногих площадок, которая, насколько мне известно, остается технической, то есть рассматриваемая в рамках РКРТ проблематика не политизируется, и, условно говоря, российские, британские, американские, французские эксперты могут обсуждать актуальную проблематику, связанную с ракетными технологиями. При этом обсуждать в наиболее комфортной и профессиональной среде. Главный вызов – это то, что РКРТ не все охвачены. Более того, как я упомянул, его основная задача, связанная с ограничением распространения средств доставки оружия массового уничтожения и с которой он более или менее справляется, была

сформулирована таким образом на момент создания. Но сейчас все более актуальной становится проблема распространения, в том числе, ракет в обычном оснащении: повышается дальность полета, точность попадания. Такие ракеты представляют достаточно серьезную угрозу или, иными словами, имеют достаточно серьезный потенциал – смотря с какой стороны посмотреть.

Одним из громких инфоповодов прошлого года стало решение США вывести из-под охвата РКРТ тяжёлые ударные БПЛА американского производства. Как это решение повлияло на РКРТ? Просматриваются ли перспективы его отмены при администрации Байдена?

Начну с конца – мне кажется, никакой отмены, естественно, не будет, потому что это решение связано не столько с политическими, сколько с экономическими вопросами. В целом решение повлияло негативно – получается, из-под действия РКРТ выводится целая категория оружия. По моему мнению, отсутствие как таковой разницы между крылатыми ракетами и БПЛА было как раз большим достоинством РКРТ. Кто-то считает это недостатком, а с моей точки зрения это, наоборот, здорово. Теперь, очевидно, США изменили трактовку положений РКРТ. Надо сказать, что на это повлиял достаточно активный экспорт ударных БПЛА тем же Китаем, который, не являясь членом РКРТ, взял на себя обязательство соблюдать его положения. Что будет дальше? С одной стороны, решение было негативно воспринято как Россией, которая сейчас председательствует в РКРТ, так и другими странами, которые не считают распространение беспилотников позитивной тенденцией. Так, достаточно большой объём современных исследований показывает, что распространение возможности «удаленного» поражения тех или иных объектов или даже отдельных людей не способствует снижению общего уровня насилия на нашей планете. С другой стороны, возможно, таким путем мы открываем возможность для уточнения отдельных положений и рекомендаций РКРТ. Как я уже говорил, характеристики того, что запрещено или (по умолчанию) не разрешено поставлять на экспорт в рамках РКРТ, нуждаются в некотором уточнении. В таком случае и российский оборонно-промышленный комплекс мог бы поставить на международные рынки более конкурентоспособные изделия различных категорий.

В апреле 2021 г. США опубликовали доклад, в котором указали на несоблюдение Пекином своих обязательств по американо-китайскому соглашению о соблюдении положений РКРТ. Как Вы считаете, как это повлияло на позицию России? Стремится

ли российская делегация к включению Пекина в РКРТ и чем это обусловлено?

Официально российская сторона выступает за универсализацию режима. Более того, инициативу, которой уже не один десяток лет, но она остается актуальной – создание глобального режима контроля за ракетными технологиями, нельзя реализовать без Китая. Другое дело, что в Китае звучат голоса, что РКРТ по умолчанию создан в интересах западных стран, а Китаю, может быть, имеет смысл разработать какой-то собственный режим, к которому уже могли бы присоединяться другие страны. Здесь надо отметить, что, на мой взгляд, в Пекине очень хорошо понимают угрозы неконтролируемого распространения ракетных технологий, отсюда и взятие на себя тех или иных обязательств в отсутствие формального членства в РКРТ. А утверждения американцев, что Пекин что-то не соблюдает, – это, мне кажется, вопрос трактовки. Я думаю, в Китае существуют серьёзные аргументы в пользу того, почему они соблюдают те обязательства, которые на себя взяли, а вот уже США как раз не соблюдают. Ярким примером является, на мой взгляд, обмен системами вооружений между США и их союзниками. Те же «Томагавки», например, формально, конечно, не совсем подпадают под ограничения, предусмотренные РКРТ, но в принципе аргумент против экспорта таких вооружений имеет под собой основания. То, что сейчас будет происходить с Австралией: AUKUS, продажа все более совершенного ракетного оружия, – с точки зрения РКРТ также выглядит как минимум неоднозначно. Конечно, можно говорить о том, что участвующие в упомянутых процессах не стремятся к распространению средств доставки ОМУ, что у них многоуровневые проверки, чтобы это никак не привело к ухудшению международной безопасности. Но есть сомнения, что такая аргументация будет позитивно воспринята в Пекине, да и в Москве тоже.

Как Вы оцениваете итоги австрийского председательства в РКРТ?

Конечно, крайне негативное влияние на австрийское представительство оказала пандемия. Очевидно, что коллегам не удалось реализовать многое из задуманного; в частности, в формате так называемого *outreach*, в плане каких-то консультаций со странами-«неучастниками» режима, а также публичных мероприятий можно было сделать гораздо больше. Официальная позиция такова, что Австрия справилась с этой нелегкой задачей, появились обновления и на сайте РКРТ. Посмотрим, как справится Россия. Хочется подчеркнуть, что РКРТ – не очень публичная площадка, в связи с чем оценивать «снаружи» успехи председательства довольно сложно. По общему мнению, все председатели пока более или

менее справлялись. Естественно, присоединение новых стран-участников – это очень долгий и непростой процесс, есть проблемные моменты, которые председатель должен стараться «разруливать», что называется. Еще раз подчеркну, что «снаружи» оценить итоги довольно сложно, но то, что режим работает, что состоялась очередная пленарка в Сочи, прошла передача полномочий, работают технические форматы... Я думаю, говорить, что был какой-то провал, точно не следует.

Эксперты отмечают, что технологии и методы аддитивного производства (АП) являются большим окном возможностей для сферы ракетных технологий, но в то же время потенциальным вызовом для РКРТ – в первую очередь, в связи с тем, что это новые технологии, не охваченные существующими техническими документами и списками по экспортному контролю. На Ваш взгляд, какие шаги стоит предпринять в рамках РКРТ для запуска процесса по «включению» АП в Режим в первую очередь?

На самом деле, я бы не сказал, что они на сто процентов вне режима, то есть определенные производственные мощности, образцы интеллектуальной собственности, применяющиеся, в том числе, и для аддитивного производства в сфере ракетных технологий, и так контролируются тем же РКРТ. Отвечая на ваш вопрос, в первую очередь необходимо прийти к единому мнению, какие составляющие этих АП являются актуальными и, скажем так, опасными для РКРТ, а после этого уже думать над мониторингом. На самом деле, здесь есть своего рода пересечение с такой проблематикой, как контроль над вооружениями в сфере киберпространства, т. е. кибероружия, а также ИИ, так как здесь достаточно большая составляющая – это то, что, можно сказать, "не потрогать руками", то, что может передаваться в виде кода, электронных документов. И, конечно, это мониторить очень сложно. Но я думаю, что те методы, которые применяются, например, в сфере расследований киберпреступлений, вполне могут сыграть свою роль и здесь. Что касается собственно производства, а также материалов, используемых при таком производстве, здесь, наверное, все немного проще. Хотя здесь опять-таки возникнет острая проблема, уже не раз всплывавшая в рамках РКРТ: как провести границу между мирным освоением космоса, разработкой национальных ракет-носителей или элементов подобных технологий и непосредственно военной программой. Мне кажется, здесь важно не только искать методы запрета, ограничения такого распространения, но также и методы демонстрации «благих намерений», демонстрации отсутствия планов по милитаризации, вепонизации тех или иных технологий производства. Я считаю, эта задача как минимум не менее

важная.

Интервью взяла Лариса Савельева

Ракетно-ядерный потенциал КНР

ЭКСКЛЮЗИВ

Виктор Есин, профессор-исследователь НИУ ВШЭ, член Экспертного совета ПИР-Центра

Американские СМИ и эксперты заговорили об испытании КНР орбитальной МБР? В чём особенность этих систем? Насколько оправданны эти утверждения?

Судя по появившейся в октябре с. г. информации в американских СМИ, Китай в августе 2021 г. мог провести лётное испытание орбитальной МБР. Хотя достоверно об этом событии говорить не приходится, поскольку официальный Пекин утверждает, что это были испытания космического аппарата, а в Пентагоне отказались подтвердить или опровергнуть появившуюся в американских СМИ информацию о пуске орбитальной МБР.

Если то, что утверждают американские СМИ, является правдой, то создание в КНР орбитальной МБР следует отнести к несомненному достижению китайских разработчиков стратегического ракетного оружия.

Орбитальная ракета в сравнении с баллистической обладает рядом преимуществ. Во-первых, она имеет неограниченную дальность полёта, поскольку бо́льшей частью её траектории полёта является траектория полёта искусственного спутника Земли. Во-вторых, она способна достигнуть цели с двух взаимно противоположных сторон земного шара. В-третьих, она достигает цели существенно быстрее, так как скорость

полёта у неё выше, чем у баллистической ракеты.

Но орбитальной ракете присущи и недостатки. К ним относятся: необходимость больших затрат энергии, связанных с выводением полезной нагрузки на околоземную орбиту; необходимость размещения на орбитальном боевом блоке двигателя торможения, что снижает массу боевого блока и, следовательно, его мощность; повышенная уязвимость от средств перехвата ПРО/ПКО на орбитальном участке траектории полёта; сложность достижения высокой точности попадания в цель и другое.

В прошлом подобные МБР стояли на вооружении СССР, однако впоследствии они были сняты с вооружения? Почему?

За всю историю РВСН на вооружение был принят в 1969 году единственный тип орбитальной ракеты – МБР Р-36 орб (8К69). Эта ракета была снята с вооружения в 1982 году по условиям подписанного в 1979 году между СССР и США Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2).

Имеют ли такие системы существенную добавленную стоимость для потенциала ядерного сдерживания КНР?

Как мне представляется, орбитальные МБР внесут ощутимую добавленную стоимость для потенциала ядерного сдерживания КНР только при условии их оперативного развёртывания в количестве не менее 40 – 50 единиц. Но для этого китайцам потребуется затратить ещё много усилий, чтобы довести «до ума» саму такую МБР.

Как бы вы оценили современное состояние ядерных сил Китая? На Ваш взгляд, соответствуют ли они современным оценкам в 300-400 ядерных боеголовок?

По моей оценке, ныне Китай обладает третьими по значимости ядерными силами в мире (после России и США). Эти силы включают в себя наземный, морской и авиационный компоненты и имеют в своём составе как стратегические, так и нестратегические носители ядерного оружия. А по ядерным баллистическим ракетам меньшей и средней дальности Китай превосходит всех в мире.

Широко распространённые, особенно среди западного экспертного сообщества, оценки ядерного арсенала Китая в количестве 300 – 400 боезарядов, как я считаю, не коррелируются с реальностью. Исходя из количества тех носителей ядерного оружия, которые имеются у Китая в составе Ракетных войск, ВМФ и ВВС, можно с большой долей уверенности

утверждать, что НОАК, как минимум, обладает ядерным арсеналом в 600 и более ядерных боеприпасов (ЯБП).

Весь же китайский ядерный арсенал оценить не представляется возможным, поскольку в доступных источниках отсутствует какая-либо информация о том, сколько резервных ЯБП хранится на складах 22-ой Центральной базы хранения ядерных боеприпасов, которая осуществляет ядерное обеспечение в отношении всех компонентов ядерных сил КНР. При этом характерно, что в зарубежных источниках при оценке ядерного арсенала Китая вопрос о наличии у него резервных ЯБП, находящихся на складах вышеуказанной базы, как правило, выносится за скобки. Смею утверждать, что резерв ЯБП у Китая есть, как и у других ядерных держав. И не учитывать это при оценке ядерного арсенала Китая было бы опрометчиво.

Интервью взяла Галина Сальникова

Джеффри Льюис: Время для денуклеаризации Корейского полуострова упущено **Эксклюзив**

*Джеффри Льюис, директор
программы «Восточная Азия»
Центра исследования проблем
нераспространения им. Джеймса
Мартина*

Могли бы Вы прокомментировать значимость испытания БРПЛ, проведенного КНДР 19 октября 2021 г.?

Была испытана ракета малой дальности. Эти испытания стоит рассматривать в рамках курса на развитие тактического ядерного оружия, провозглашённого Ким Чен Ыном в январе 2021 года. То есть теперь Северная Корея будет развивать не только стратегические системы, но и тактическое оружие, целью которого прежде всего являются американские базы в Японии и Южной Корее и которое обладает большей точностью и внезапностью. И вполне логично ожидать, что подобные системы будут испытываться и в дальнейшем.

А что насчет недавних заявлений о том, что КНДР провела испытания гиперзвукового оружия?

Начнем с того, что все ракеты гиперзвуковые. Это некоторое заблуждение считать, что гиперзвуковое оружие какое-то особенное. МБР – это тоже гиперзвуковое оружие. Северная Корея, на самом деле, провела испытание глайдера (*планирующего крылатого блока – ЯК*), причем на базе ранее испытанной МБР – Хвасон-12. Мы не знаем, насколько успешно прошло испытание и насколько они продвинулись в разработке. Однако, даже, если успешно, ничего удивительного в этом нет, т.к. технология достаточно старая.

Что более любопытно в данном испытании, так это заявление КНДР о том, что теперь их ракеты могут заправляться на заводах, а не на месте запуска. Военным подразделениям не нужно тратить время на это в полевых условиях. Использование транспортно-пусковых контейнеров также обеспечивает контроль температуры окислителя, что делает носитель более безопасным. Это большой шаг вперед для КНДР.

Какой реакции, по Вашему мнению стоит ожидать от соседей КНДР, прежде всего от Южной Кореи и Японии? Будут ли они развивать наступательные вооружения в ответ на новые испытания?

Я думаю, что и Япония, и Южная Корея используют северокорейские ядерные испытания, чтобы оправдать развитие своих ядерных программ. У Южной Кореи уже имеется достаточно продвинутая программа по развитию баллистических ракет, Япония стала проводить исследования по развитию большого количества разных систем, что может позднее привести к появлению у Японии собственных наступательных систем.

Как Вам кажется, удастся ли администрации Байдена продвинуться на пути к «денуклеаризации» Корейского полуострова?

Я не думаю, что Северная Корея действительно готова «разоружиться». Когда Ким Чен Ын предложил США провести «денуклеаризацию» Корейского полуострова, он имел в виду снижение напряженности на полуострове, которая и заставляет их развивать ядерную программу. Они не приравнивают понятия «денуклеаризации» и «разоружения», хотя в США делают вид, что это именно так.

Мы могли бы предпринять усилия по «денуклеаризации», то есть снизить роль ядерного фактора в вопросах безопасности в Северо-Восточной Азии, но думаю, что сейчас время для «денуклеаризации» упущено. Если бы Байден предпринял какие-то дипломатические усилия в первые месяцы нынешнего года, то мы могли бы добиться успеха. Однако сейчас у Северной Кореи уже другие планы: например, те же ракетные испытания, или производство расщепляющихся материалов в Йонбене. И я думаю, КНДР намерена реализовать свои планы, перед тем, как вернуться за стол переговоров.

Интервью взяла Александра Зубенко

AUKUS: риски для режима нераспространения

ЭКСКЛЮЗИВ

Джон Карлсон, старший научный сотрудник Венского центра по разоружению и нераспространению, в 1989-2010 гг. возглавлял Австралийское управление по гарантиям и нераспространению

Доктор Карлсон, не могли бы вы объяснить суть AUKUS для широкой аудитории - в двух словах?

15 сентября 2021 года правительства Австралии, Великобритании и США объявили о создании "расширенного трехстороннего партнерства в сфере безопасности" под аббревиатурой AUKUS, в рамках которого Австралия приобретет у США или Великобритании не менее восьми атомных подводных лодок с обычным вооружением. Это предложение не предполагает использования ядерного оружия, и правительства трех стран подчеркнули, что оно будет полностью соответствовать обязательствам по нераспространению.

По мере возможности подводные лодки будут строиться в Австралии, но реакторы и некоторые другие компоненты будут поставляться из США или Великобритании. Предполагается, что первая подводная лодка будет

введена в эксплуатацию к 2040 году. Первый этап проекта - 18-месячный процесс консультаций по практическим сторонам вопроса, который будет включать обсуждение аспектов гарантий с МАГАТЭ.

Какова правовая база ядерных подводных лодок НЯОГ?

Хотя обычно считается, что ядерная деятельность НЯОГ ограничивается мирными целями, ДНЯО прямо запрещает только ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства. Договор допускает возможность использования ядерного материала в незапрещенных немирных целях, то есть военное использование разрешено при условии, что оно носит невзрывной характер. Ядерные реакторы для морских силовых установок являются очевидным тому примером.

Соглашения о всеобъемлющих гарантиях предусматривают «неприменение» гарантий в отношении ядерного материала, используемого в незапрещённых военных целях. Гарантии должны применяться ко всем процессам до и после военного использования, таким как обогащение, изготовление топлива, хранение отработанного топлива, переработка, если таковая имеет место, и утилизация ОЯТ.

Обсуждалась ли эта тема в ходе переговоров по ДНЯО и INFCIRC/153?

Дело в том, что к ядерному материалу, используемому в незапрещённых военных целях, невозможно применить обычные гарантийные меры из-за необходимости защиты чувствительной военной информации – в частности, характеристик и режима развертывания подводных лодок.

Комитет по гарантиям, созданный МАГАТЭ для переговоров по INFCIRC/153, признал необходимость защиты чувствительной информации, но также выразил желание избежать превращения пункта 14 в лазейку для переключения ядерного материала на разработку ядерного оружия. В результате сфера "неприменения" гарантий была максимально ограничена. Государства и МАГАТЭ обязаны продемонстрировать, что положения ДНЯО в сфере запрета на ядерное оружие соблюдаются, и что в государстве отсутствует переключение ядерного материала. Параграф 14 требует от государства и МАГАТЭ договориться о предоставлении достаточной информации для выполнения этой обязанности. Однако на сегодняшний день не было ни одного такого практического случая, поэтому нет опыта, на который можно было бы опереться.

Предпринимали ли ранее неядерные государства попытки

построить АПЛ?

Не так много неядерных государств стремились создать АПЛ – в основном из-за их сложности и очень высокой стоимости. Канада рассматривала возможность создания атомных подводных лодок в 1980-х годах, но не стала этого делать. Бразилия планирует разработку атомной подводной лодки при содействии Франции и в настоящее время проводит испытания наземного прототипа военно-морского реактора. Ожидается, что первая атомная подводная лодка будет построена и готова к эксплуатации не ранее 2030-х годов. Южная Корея безуспешно пыталась получить от США атомные подводные лодки. Иран заявил, что рассматривает возможность разработки атомных подводных лодок, и начал производство ВОУ с обогащением 60%, предположительно для топлива. Учитывая, что до реальной возможности приобретения Ираном атомных подводных лодок еще очень далеко, даже если такая возможность вообще потенциально существует, сейчас это следует рассматривать как оправдание для обогащения урана. Производство ВОУ - это провокационный шаг, который многие рассматривают как тактику давления на переговорах по восстановлению или замене СВПД.

Каковы основные проблемы в верификации АПЛ?

В настоящее время основное внимание уделяется так называемой "лазейке" для военно-морского топлива - тому, что "неприменение" обычных гарантий к ядерному материалу, используемому в качестве военно-морского топлива, не приводит к переключению ядерного материала на ядерное оружие. На мой взгляд, существует более широкая проблема - государство может использовать программу создания атомных подводных лодок чтобы оправдать наличие мощностей по обогащению урана, включая, возможно, производство ВОУ (как это сейчас происходит с Ираном). Я считаю, что риски для нераспространения от программ обогащения урана намного выше, чем от программы по строительству ядерных субмарин как таковой - государство со значительным потенциалом обогащения имеет потенциал для быстрого получения значимых количеств расщепляющихся материалов. При этом, при обогащении трудно обеспечить 100-процентную эффективность гарантий МАГАТЭ для своевременного обнаружения переключения.

В случае программы по производству ядерного топлива для ВМС основные вопросы заключаются в следующем: а) какие договоренности будут согласованы с государством в соответствии с пунктом 14 и б) какие верификационные меры практически осуществимы?

Параграф 14 может быть истолкован как исключающий все меры проверки и верификации, но такое толкование должно быть отвергнуто МАГАТЭ и международным сообществом. Существуют практические причины, по которым обычные гарантии не могут применяться - развешивание подводной лодки затруднит проведение обычных плановых инспекций, а ограничения на доступ для защиты секретной информации являются дополнительным осложнением - но это не означает, что проверочная деятельность в принципе невозможна. Прагматичные механизмы верификации и мониторинга должны разрабатываться в каждом конкретном случае на основе анализа возможных путей приобретения государством ЯО: какой материал государство может переключить, каким образом оно это может сделать, какая дальнейшая обработка материала потребуется для использования в ядерном оружии, какие индикаторы должно искать МАГАТЭ и т.д.

В принципе, использование топлива на ВОУ может быть основным фактором риска - при достаточно высоком уровне обогащения этот материал может быть использован для ядерного оружия без дальнейшего обогащения (хотя в зависимости от уровня облучения может потребоваться переработка для удаления продуктов деления). При оценке уровня риска, однако, необходимо учитывать степень сложности «переключения» ВОУ. Наибольший риск для нераспространения существует в том случае, если государство само производит ВОУ - я считаю, что здесь необходимы международные усилия, чтобы запретить производство ВОУ в неядерных государствах, а ЯОГ в свою очередь также должны быть готовы на прекращение дальнейшего производства ВОУ.

Какова ваша оценка рисков нераспространения AUKUS?

В принципе, использование высокообогащённого топлива в АПЛ сопряжено с высокими рисками распространения. Однако в AUKUS этот риск сведен к минимуму, поскольку топливо будет практически недоступно для Австралии, и Австралия не будет производить никакого топлива. Реакторы будут снабжаться активной зоной, рассчитанной на весь срок службы боевого судна (более 30 лет), они не будут нуждаться в дозаправке, и эти реакторы будут встроены в корпуса подводных лодок без каких-либо возможностей для доступа. Для извлечения топлива потребуется вскрыть корпус, а это серьезная операция, которая полностью выведет подводную лодку из строя.

Маловероятно, что Австралия, пойдёт на такой шаг, но даже в таком случае проведение подобной операции было бы крайне легко обнаружено. Соответственно, я считаю, что риск распространения для проекта AUKUS

пренебрежимо мал. Однако необходимо обеспечить эффективный мониторинг. Не потому, что Австралия может представлять риски для нераспространения, а чтобы создать должный прецедент эффективного мониторинга программ АПЛ.

Некоторые критики утверждают, что AUKUS представляет существенный риск для нераспространения, поскольку создает прецедент, который другие государства (например, Иран) могут использовать для оправдания своих собственных программ по военно-морским ядерным силовым установкам. Однако такие государства не смогут утверждать, что следуют прецеденту AUKUS, если конкретные детали разрабатываемых ими проектов будут совершенно другими – например, если они планируют производить топливо и регулярно заправлять реакторы своих субмарин.

В реальности будет очень мало государств, способных создать атомные подводные лодки, и любое государство, решившееся на это, вряд ли будет так или иначе подвержено влиянию австралийского примера. Международное сообщество должно тщательно рассмотреть каждый случай по существу.

Как Вы можете оценить позицию России и Китая в отношении проекта AUKUS и их аргументы относительно аспекта гарантий и верификации?

Россия назвала предложение AUKUS угрозой глобальному нераспространению, но я не вижу оснований для такого мнения. Правительство КНР заявило, что этот проект нарушает ДНЯО. Это явно не так, ДНЯО был написан для того, чтобы разрешить невзрывное военное использование ядерной энергии, имея в виду атомные подводные лодки. Китай также призвал государства-стороны AUKUS и Секретариат МАГАТЭ не принимать решения о договоренностях по нераспространению без консультаций с другими членами МАГАТЭ. В этой связи Секретариат МАГАТЭ имеет давнее обязательство выносить на рассмотрение Совета управляющих любые предлагаемые договоренности по пункту 14 СВГ.

Я надеюсь, что Россия и Китай конструктивно рассмотрят аспекты гарантий, в частности то, как МАГАТЭ может создать эффективные механизмы мониторинга, причем не только для Австралии, но и для любого другого НЯОГ, потенциально имеющего атомные подводные лодки. В этом контексте я также надеюсь, что Россия и Китай помогут убедить Бразилию принять Дополнительный Протокол МАГАТЭ, который по идее должен применяться ко всем НЯОГ, но в особенности к

государству, осуществляющему программу создания атомных подводных лодок.

Интервью взял Савва Никулин

Аналитика

К содержанию

Сергей Семенов. По-нашему, по-простому, по-женеvски

Блог ПИР-Центра

На этом фоне любопытно, что в первый день заседания ДКК США в одностороннем порядке **опубликовали** данные по своему ядерному арсеналу. Так, в настоящее время в «ядерном заглашнике» США – 3750 развёрнутых и неразвёрнутых боезарядов, на 72 меньше, чем в 2017 г., когда такая информация публиковалась в последний раз.

В Женеве американская делегация наверняка намекнула российским дипломатам, что ожидает аналогичного шага.

С одной стороны, идти на поводу у американцев не в стиле российской дипломатии. С другой стороны, публикация аналогичного документа российской стороной могла бы устранить возможности для спекуляции отдельных экспертов на тему якобы беспрецедентных размеров российского ядерного арсенала.

Читать на русском языке

Лариса Савельева. “The absolute darkest moment of theoretical possibility”, или О ядерных рисках в рамках системы демократического контроля

Индекс Безопасности

«Спустя два дня после событий 6

января 2021 года, генерал Марк Милли, председатель объединенного комитета начальников штабов Вооруженных Сил США, сделал срочный звонок генералу Ли Джуоченгу, начальнику объединенного штаба НОАК», – так открывается выпущенная в сентябре 2021 года книга Боба Вудварда и Робера Косты «Угроза» (англ. *Peril*).

Это и другие события последних недель заслуживают особого внимания, так как затрагивают проблему ядерных рисков в контексте американской внутренней политики. [Читать](#)

Елена Карнаухова. Добиться успеха в сфере информационной безопасности, если ты женщина - возможно? Интервью с Еленой Волчинской
Блог ПИР-Центра

Я не считаю, что надо именно девушек и женщин поощрять заниматься этими вопросами. Надо заинтересовывать вообще всех, но поощрять тех, кто проявляет способности к решению тех или иных проблем и профессионализм. [Читать](#)

Александра Зубенко. Победителю достанется все, или атомные аппетиты Пятой Республики
Блог ПИР-Центра

12 октября 2021 года президент
Франции Эмманюэль

Макрон **представил** новый инвестиционный план «Франция-2030», который предполагает инвестиции в размере 8 млрд евро во французскую энергетику. Из них 1 млрд должен быть потрачен на развитие атомных модульных реакторов и строительство мегафабрик на базе АЭС по генерации «зеленого» водорода.

Читать

Александра Зубенко. Курс на Иран: как Франция готовится к новому раунду переговоров по восстановлению СВПД
Блог ПИР-Центра

10 ноября во французской газете Le Figaro было **опубликовано** интервью с замминистром иностранных дел Ирана Али Багери Кани. **Читать**

Олег Шакиров. Значение российско-американской резолюции по информационной безопасности
Блог ПИР-Центра

Единый проект резолюции, внесённый Россией и США в Первый комитет Генеральной Ассамблеи ООН, открывает новый этап глобальной дискуссии об информационно-коммуникационных технологиях в контексте международной

безопасности. Его основные черты — восстановление консенсуса, расширение круга участников, а также ожидание конкретного вклада в преодоление киберугроз.

[Читать](#)

Софья Шестакова. Зона, свободная от ОМУ: замкнутый ближневосточный круг
Блог ПИР-Центра

Вторая сессия Конференции по вопросу создания зоны, свободной от ОМУ, на Ближнем Востоке должна была состояться 16-20 ноября 2020 г. Однако ввиду ограничений из-за COVID-19 была перенесена на 29 ноября-3 декабря 2021 г. С первой сессии Конференции 2019 г. изменилось многое. Изменился баланс сил в регионе Ближнего Востока, сменились администрации в Израиле, Иране. Не изменилось одно – на Ближнем Востоке так и не создана ЗСОМУ. [Читать](#)

Софья Шестакова. Японская альтернатива безъядерного мира
Блог ПИР-Центра

Первый комитет ООН 27 октября с.г. одобрил проект резолюции о ликвидации ядерного оружия, продвигаемый Японией с 1994 г. Трое из пяти членов ядерной пятерки, США, Великобритания и Франция, проголосовали «за», Россия и Китай – против.

Ожидается, что данная резолюция
будет принята Генеральной
Ассамблеей ООН в декабре 2021 г.

[Читать](#)

Разбор

[К содержанию](#)

Ступенчатый подход Стокгольмской инициативы по ядерному разоружению нацелен на укрепление ДНЯО

Елена Зюлина, Сергей Семенов

Стокгольмская инициатива по ядерному разоружению **объединила** 16 государств, которые по инициативе Швеции встретились в Стокгольме в июне 2019 г. для обсуждения усовершенствования разоруженческой дипломатии и поиска конструктивного подхода к ядерному разоружению. Поводом послужил **рабочий документ** Швеции «Разблокирование потенциала разоруженческой дипломатии путем применения ступенчатого подхода» на третьей сессии Подготовительного комитета ОК в апреле 2019 г. Наряду с Иорданией, Швецией и Германией в Стокгольмскую инициативу входят Аргентина, Канада, Эфиопия, Финляндия, Индонезия, Япония, Казахстан, Нидерланды, Новая Зеландия, Норвегия, Южная Корея, Испания и Швейцария. Членство отличается региональным и идеологическим разнообразием – государства-союзники США и сторонники ядерного сдерживания, а также антиядерные лидеры, сторонники ДЗЯО. Иордания – единственное арабское государство объединения, которое продвигает его подходы в арабском мире. Цель инициативы – найти точки соприкосновения между ЯОГ и НЯОГ в процессе продвижения разоружения в контексте ДНЯО.

Стокгольмская инициатива ориентирована на поэтапный подход к ядерному разоружению (Stepping Stones Approach to Disarmament). По мнению присоединившихся к Инициативе государств, ядерным и неядерным государствам потребуется предпринять ряд практических

промежуточных шагов – ступеней, которые подготовят почву для процесса разоружения.

В феврале 2020 г. главы МИД государств Стокгольмской инициативы **приняли** декларацию, в которой содержатся 22 краткосрочные, достижимые и значимые меры – промежуточные ступени – для продвижения ядерного разоружения. Ступени направлены на снижения акцента на значимость ядерного оружия, восстановление привычной обстановки сотрудничества, уменьшение ядерных рисков и повышению уровня транспарентности в отношении размеров арсеналов и контроля над материалами и технологиями.

- Признание ЯОГ недопустимости любого применения ядерного оружия:
- Продление ДСНВ США и Россией и его возможное расширение.
- Дальнейшее сокращение ЯОГ своих арсеналов в рамках следующего поколения договоров о контроле над вооружениями.
- Снижение значимости ядерного оружия в ядерных доктринах ЯОГ.
- Углубленное обсуждение ядерных доктрин как в формате "ядерной пятёрки", так и в диалоге с неядерными государствами.
- Обеспечение прозрачности в отношении реальных размеров ядерных арсеналов и планов их модернизации.
- Усиление негативных гарантий безопасности, в том числе в контексте создания зон, свободных от ядерного оружия.
- Выработка мер уменьшения ядерной опасности, в том числе направленных на предотвращение кризисных ситуаций, увеличение сроков, отводимых на принятие решений, минимизацию уязвимости структур командования и управления перед угрозой кибератак.
- Совершенствование каналов связи в кризисных ситуациях между ЯОГ.
- Четкое разграничение средств доставки обычных и ядерных боезарядов.
- Соблюдение всеми государствами моратория на испытания ядерного оружия.
- Объявление и соблюдение всеми государствами моратория на производства расщепляющегося материала для целей создания ядерного оружия и других ядерных взрывных устройств.
- Нарращивание потенциала и поддержание текущих инициатив по развитию верификации многостороннего процесса ядерного разоружения, таких как Международное партнерство в целях

контроля за ядерным разоружением, и усилий ООН, таких как группы правительственных экспертов и группы открытого состава.

- Отчетность всех государств-участников ДНЯО о выполнении ими обязательств с использованием стандартизированной формы, а также поддержание мер, направленных на усиление обязательств отчетности и транспарентности.

Члены Стокгольмской инициативы **встретились** еще раз в январе 2021 г. в Иордании для обсуждения совместных предложений и стратегий их продвижения на предстоящей ОК ДНЯО.

Как представляется, Инициатива может сыграть важную роль в выстраивании консенсуса на предстоящей Обзорной конференции. Её архитекторы дистанцировались от ультимативных требований "антиядерного авангарда" и готовы к конструктивному взаимодействию с ядерными государствами. В то же время, это преимущественно "западный" состав участников ограничивает возможности этого формата. Существенную роль в формировании контуров Заключительного документа она сможет принять только в более тесном контакте с застрельщиками различного рода гуманитарных инициатив.

Ступенчатый подход к ядерному разоружению в целом соответствует российской позиции. Вместе с тем, как и многие другие плоды мыслительного процесса "активистов", наработки инициативы не носят всеобъемлющего характера, не учитывают тяжёлую обстановку в сфере безопасности, которая и диктует необходимость сохранения ядерного оружия. Подобного рода инициативы заточены под узкую цель поиска консенсуса на площадке ДНЯО, что само по себе заслуживает уважения. Но реальная задача - не сформировать "консенсус ради консенсуса", а запустить целостный диалог по всему спектру угроз безопасности, как ядерных, так и неядерных. С этим пока сложнее.

Рецензия

К содержанию

ДЗЯО глазами его одного из его архитекторов

Лариса Савельева, Сергей Семенов

О вступивший в силу в январе 2021 г. Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) на Обзорной конференции ДНЯО, как представляется, будет сломано немало копий. В преддверии ОК ДНЯО *Ядерный Контроль*

подготовил рецензию на книгу руководителя Департамента по разоружению, контролю над вооружениями и нераспространению МИД Австрии Александра Кментта «Договор о запрещении ядерного оружия: как он был заключен, и в чем его значимость» (англ. *Treaty Prohibiting Nuclear Weapons: How it was achieved and why it matters*). Взгляды Кментта заслуживают внимания с учётом того, что он один из архитекторов Гуманитарной инициативы и ДЗЯО и именно он будет председательствовать на первой Обзорной конференции ДЗЯО.

Инициатива ненаказуема: как вызревало движение за запрещение ядерного оружия?

По мнению Кментта, заключение Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО) – закономерное развитие двух тенденций международной обстановки: неудовлетворённости темпами ядерного разоружения и возрастания роли гуманитарных подходов в обеспечении международной безопасности. На пересечении этих «течений» и возникла идея гуманитарного подхода к ядерному оружию как альтернативы доминирующей парадигме ядерного сдерживания как гарантии безопасности.

Конкретное воплощение такие идеи впервые получили на Обзорной конференции ДНЯО 2010 г., в заключительном документе которой содержалась отсылка к катастрофическим гуманитарным последствиям применения ядерного оружия. Именно эта внешне невинная формулировка легла в основу т.н. «гуманитарной инициативы».

Одним из первых конкретных итогов деятельности «инициативщиков» можно назвать резолюцию «Многосторонние переговоры по разоружению: путь вперед», представленную на рассмотрение Первого комитета ГА ООН Австрией, Мексикой и Норвегией в 2012 г. Как отмечает Кментт, Резолюция в очередной раз обозначила принципиальное различие в позициях ядерных и неядерных государств. Если для ядерных держав «безъядерный мир» может быть достигнут только в результате переговоров, сторонники ГИ полагали, что запрещение ядерного оружия (по примеру Конвенций о химическом и биологическом оружии) будет отправной точкой.

При этом стоит отметить, что изначально неядерные государства не планировали выработать юридически обязывающий договор о запрещении ядерного оружия и вообще не знали, в каком формате может быть реализована их инициатива. Сам автор считает, что значение резолюции 2012 г. – в том, что она сместила центр тяжести дискуссии о

роли ядерного оружия в международных отношениях в сторону «гуманитарных подходов», бросила вызов «особому статусу» ядерных государств.

Впервые идея отдельного договора о запрещении ядерного оружия, как отмечает автор, была «проброшена» на заседании подготовительного комитета ДНЯО 2014 г., когда Коалиция новой повестки (New Agenda Coalition) представила рабочий документ с вариантами юридического оформления «эффективных мер» по реализации ст. VI ДНЯО. В качестве возможных вариантов были предложены всеобъемлющая конвенция о ядерном оружии; договор о запрещении ядерного оружия; рамочное соглашение, содержащее набор конкретных инструментов, а также документ в смешанном формате. Срыв принятия консенсусного документа на ОК 2015 г. лишь дал «антиядерным радикалам» дополнительный толчок к переговорам по запрещению ЯО.

Стоит заметить, что становление «гуманитарной инициативы» как движения в книге описано значительно подробнее, чем, собственно, сам ход переговорного процесса. Дело в том, что в 2016-2019 гг. Александр Кментт был постоянным представителем Австрии при Комитете ЕС по политике и безопасности и был отдалён от разоруженческих дел.

Антиядерные радикалы: кто они и чего хотят добиться?

В этой рецензии мы не раз использовали формулировку «антиядерные радикалы». Этот термин, хотя и удобен для целей полемики, всё-таки не позволяет понять, кто же они, застрельщики заключения ДЗЯО.

К ключевым игрокам в этом процессе Кментт причисляет Австрию, Бразилию, Ирландию, Мексику и ЮАР. Поддержку Гуманитарной инициативе оказывали и другие страны, активно участвовавшие во встречах и консультациях рабочих групп: Индонезия, Малайзия, Филиппины. Таиланд, Новая Зеландия и Чили, – так называемый «расширенный формат» ключевых игроков. В Африканской группе большую роль сыграл Мозамбик; среди стран Латинской Америки и Карибского бассейна – Куба, Гватемала, Ямайка и Перу. Среди европейских партнеров Австрии и Ирландии был отмечен Лихтенштейн. В азиатском регионе активную позицию также занимал Вьетнам. Кроме того, поддержку ДЗЯО выражали Алжир, Казахстан, государства Тихоокеанских островов и Ватикан, а также Нидерланды, Египет и Иран. Роль конструктивных скептиков сыграли Швейцария и Швеция.

Главная цель «радикалов», как неоднократно подчёркивает австрийский

дипломат, состоит в том, чтобы изменить доминирующую парадигму о роли ядерного оружия в международных отношениях. Первые шаги на этом пути сделаны. Один из главных итогов ДЗЯО состоит в том, что до значительного количества государств удалось донести мысль о том, что любое применение ядерного оружия ударит по их интересам, их безопасности и благополучию. А значит, как считает Кментт, обсуждение ядерных вопросов уже не может оставаться уделом исключительно «ядерной пятёрки». Дискуссия о ядерном разоружении стала демократичнее: в ней участвует большее количество государств и представителей гражданского общества.

Впрочем, конечная задача куда амбициознее – изменить представления самих ядерных государств о ядерном оружии. Именно эта задача – главный КПЭ ДЗЯО.

Пока что похвастать нечем: среди ядерных государств сложился консенсус относительно вредности Договора. Подобные инициативы, по их мнению, растрачивают ресурсы и расшатывают международный режим ядерного нераспространения.

В целом автор выделил ряд ключевых тезисов ядерных держав: ДЗЯО «отвлекает» внимание от действительно важных (с точки зрения «ядерной пятёрки») проблем международной безопасности, угрожает расколом между участниками ДНЯО, является неэффективным, не учитывает соображения (военно-политической) безопасности, а также подрывает существующий режим нераспространения ядерного оружия. При этом показательно, что, в то время как автор упрекает ядерные державы в несерьезном подходе к аргументам сторонников гуманитарного подхода, его оценка позиции «ядерной пятёрки» выглядит аналогичным образом. Так, автор утверждает, что ядерные державы не желают серьезно обсуждать лежащие в основе ДЗЯО положения и тезисы и поэтому делают акцент на тексте Договора и его формулировках, то есть обсуждают сам Договор, но не его суть.

Более того, по мнению автора, критика ДЗЯО ядерными державами обусловлена боязнью утратить «особый статус» в вопросах международной безопасности, а также чрезмерной зависимостью от понятий стратегической стабильности и сдерживания. Иными словами, ДЗЯО бросает вызов положению ядерных держав в международной системе, чего они всеми силами стремятся не допустить.

Последствия принятия ДЗЯО

Появление Договора призвано зацементировать недовольство неядерных государств в отношении отсутствия реального прогресса в деле ядерного разоружения. Архитекторы ДЗЯО рассчитывают, что это создаст предпосылки для реального движения в направлении безъядерного мира и укрепит режим ядерного нераспространения, о котором Кментт, впрочем, отзывается довольно критически. По сути, автор признаёт, что статьи VI ДНЯО радикалам уже недостаточно – и ради достижения своих целей они считают возможным подточить авторитет всего ДНЯО.

Следующий шаг, по его мнению, – за ядерными государствами. В заключение автор предлагает «дорожную карту», состоящую из вопросов, которые должны обсуждаться совместно ядерными и неядерными державами, сторонниками гуманитарного и «традиционного» подходов к безопасности для того, чтобы движение в сторону ядерного разоружения, отказа от ядерного оружия в условиях ратификации ДЗЯО было реалистичным. Отметим несколько:

1. Каковы пределы нашего знания о ядерном сдерживании, о том, работает ли оно? Какова роль субъективных оценок с обеих сторон, а также чрезмерной уверенности в том, что конкретная точная зрения верна?
2. Каким образом риски, сопряженные с ядерным сдерживанием, соотносятся с рисками отказа от ядерного оружия?
3. Подорывает ли прагматичная, основанная на конкретных сценариях оценка гуманитарных последствий применения ядерного оружия жизнеспособность ядерного сдерживания или укрепляет ее?
4. В какой степени существующие доктрины предполагают *не только* абстрактные оценки последствий ядерного удара, основанные на том, что сдерживание непременно сработает и, соответственно, оружие не будет применено?
5. Каким конкретно образом ядерные державы учитывают гуманитарные последствия удара в отношении своего населения, населения предполагаемого противника, а также населения третьих стран при проработке сценариев применения ядерного оружия?
6. Каким образом соотносятся между собой различные подходы к идее легитимности обладания ядерным оружием, каким образом и почему они противоречат друг другу? В какой момент времени можно было бы сделать вывод, что, с учетом изменившихся обстоятельств, степень легитимности обладания ядерным оружием и опорой на ядерное сдерживание уменьшилась?

Одна из дилемм, отмеченных автором книги в заключении, -

необходимость отхода от недемократических механизмов в вопросах нераспространения и разоружения. Но демократия, как её представляют себе «радикалы», мало соотносится с принципами консенсуса, неотъемлемыми при обсуждении чувствительных вопросов международной безопасности. И хотя ДЗЯО нанёс чувствительный удар по принципам консенсуса, замысел его архитекторов не в этом. Договор о запрещении ядерного оружия – политический «месседж». Его конкретное воплощение – неудачно. Но с его сутью так или иначе придётся работать. В этом, пожалуй, и состоит главный вывод из книги Кментта для ядерных государств.

«Листая старые страницы»

К содержанию

В день рождения *Ядерного Контроля* мы вспоминаем наиболее резонансные и популярные страницы из архива нашего журнала:

- **100-й номер** Индекса Безопасности: интервью с Сергеем Рябковым, статья нынешнего президента Казахстана Касым-Жомарт Токаева, бывшего сенатора США Сэм Нанна, а также разговор с президентом России Владимиром Путиным.
- Адам **Дольник** «**Усама бен Ладен и оружие массового уничтожения**» (стр.5). Данная статья была опубликована ПИР-Центром за месяц до терактов 11 сентября.
- **О том, что США и НАТО не уйдут из Афганистана.** Виктор Коргун. Индекс Безопасности № 2 (109), Том 20 (2014).
- **А был ли «ядерный чемоданчик»?** Виктор Есин. Ядерный Контроль № 2, 2005, с. 67.

Новости ПИР-Центра

К содержанию

На открытой лекции ПИР-Центра обсудили эволюцию режима нераспространения

4 октября на базе магистерской программы двойного диплома в области нераспространения (реализуется МГИМО МИД

России, Миддлберийским институтом международных исследований в Монтерее, США, и ПИР-Центром) состоялась открытая лекция Уильяма Поттера, основателя и директора Центра исследований проблем нераспространения им. Дж. Мартина в Монтерее (Калифорния, США), профессора по исследованию проблем нераспространения им. С. Нанна и Р. Лугара, Миддлберийский институт международных исследований в Монтерее (США), члена Экспертного совета ПИР-Центра, иностранного члена Российской академии наук (РАН).

Лекция была посвящена теме «Эволюция режима ядерного нераспространения: вызовы и возможности». Мероприятие прошло под эгидой проекта ПИР-Центра по созданию научно-образовательной платформы NONPROLIFERATION.WORLD, которая станет единым научно-образовательным и коммуникационным порталом для нынешнего и будущего поколения экспертов в сфере международной безопасности.

Читать

На 111-м заседании Международного клуба Триалог обсудили текущую ситуацию в Афганистане и её значимость для российских интересов

5 октября в отеле Radisson Collection – исторический отель «Украина» состоялось 111-е (осеннее) заседание Международного клуба *Триалог*.

Новая встреча под его эгидой была посвящена теме «Афганистан под властью Талибана: интересы, союзники и расчеты России. Тонкая грань

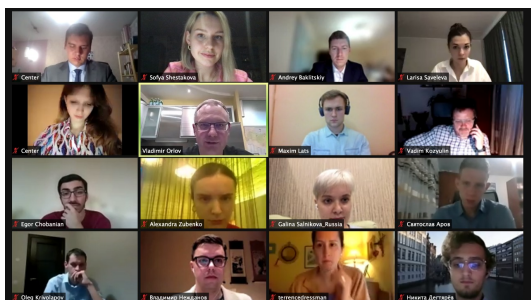
между угрозами и возможностями». Осеннее заседание Клуба прошло в традиционном очном формате, с учетом установленных санитарно-эпидемиологических норм. Участие приняли дипломаты зарубежных стран, аккредитованные в Москве, представители международных организаций, ведущие эксперты в сфере международных отношений и глобальной безопасности. [Читать](#)

На XIII Конвенте РАМИ ПИР-Центр провел Экспертный семинар «Элементы стратегического уравнения: как выстроить контроль над вооружениями в новую эпоху»

14 октября ПИР-Центр провел экспертный семинар «Элементы стратегического уравнения: как выстроить контроль над вооружениями в новую эпоху» в рамках XIII Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ). В числе участников – сотрудники МИД России, ИМЭМО, ИСКРАН, МГИМО, УрФУ, Экспертного совета ПИР-Центра, а также студенты и преподаватели региональных вузов. [Читать](#)

На Научной Среде ПИР-Центра обсудили перспективы развития китайских ядерных сил

21 октября ПИР-Центр провел *Научную Среду* – неформальный экспертный семинар на тему «Перспективы развития ядерных сил Китайской Народной Республики в контексте специфики идейных подходов и понимания стратегической стабильности». К обсуждению была представлена НИР, подготовленная

Владимиром Неждановым, ассистентом Тюменского государственного университета, в свободной ассоциации с ПИР-Центром. [Читать](#)

На открытой лекции ПИР-Центра обсудили перспективы X Обзорной конференции ДНЯО

1 ноября на базе магистерской программы двойного диплома в области нераспространения (реализуется МГИМО МИД России, Миддлберийским институтом международных исследований в Монтерее, США, и ПИР-Центром) состоялась открытая лекция Его Превосходительства Густаво Злаувинена, Чрезвычайного и Полномочного посла, Председателя X Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Лекция была посвящена теме «Перспективы X Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия». Мероприятие прошло под эгидой проекта ПИР-Центра по созданию научно-образовательной онлайн платформы NONPROLIFERATION.WORLD — единого научно-образовательного и коммуникационного портала для нынешнего и будущего поколения экспертов в сфере международной безопасности.

[Читать](#)

О журнале

К содержанию

Электронный журнал «Ядерный Контроль» представляет собой подборку материалов российских СМИ и собственных материалов ПИР-Центра по вопросам развития атомной энергетики, проблемам нераспространения ядерного оружия и средств его доставки, контроля над вооружениями, ОМУ–терроризма, экспортного контроля и другим актуальным вопросам международной безопасности. В бюллетене освещаются позиции дипломатов, ведущих российских и зарубежных экспертов.

Выпуски бюллетеня с 2000 года доступны [на сайте ПИР-Центра](#).

Редактор электронного журнала — **Сергей Семенов** . Вы можете подсказать нам интересную тему, предложить свои материалы для бюллетеня и посоветовать, как сделать его лучше, по адресу semenov@pircenter.org .

Отписаться от бюллетеня можно [здесь](#), подписаться на другие рассылки ПИР-Центра - [здесь](#).

You can **update your preferences** or **unsubscribe from this list**.